Исторія 349ти великихъ дней

Оборона Севастополя въ очеркахъ и иллюстраціяхъ

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ.

Коноплянкинъ

0

Могилы Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина въ Севастополѣ въ 1855 году.

Исторія 349-ти великихъ дней

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

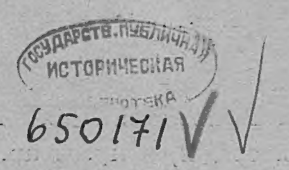
въ очеркахъ для юношества

Н. Б. ГОЛОВИНА

съ 53 портретами героевъ, снимками съ памятниковъ, могилъ, вещественныхъ воспоминаній, 15 картинами эпизодовъ осады, и пр. и пр.

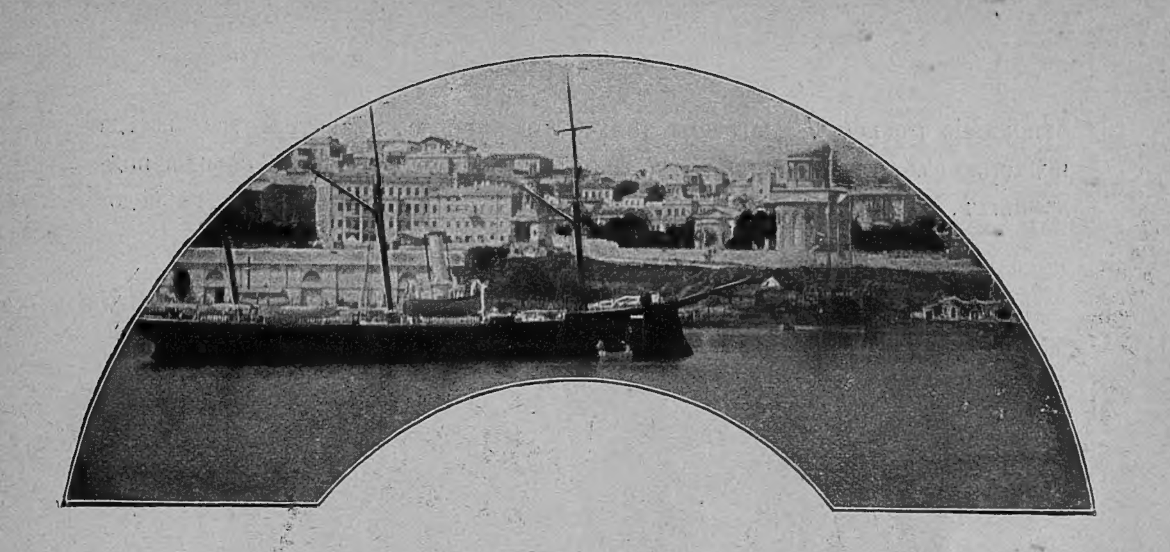

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. И МОСКВА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 сентября 1905 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, д. № 5—7.

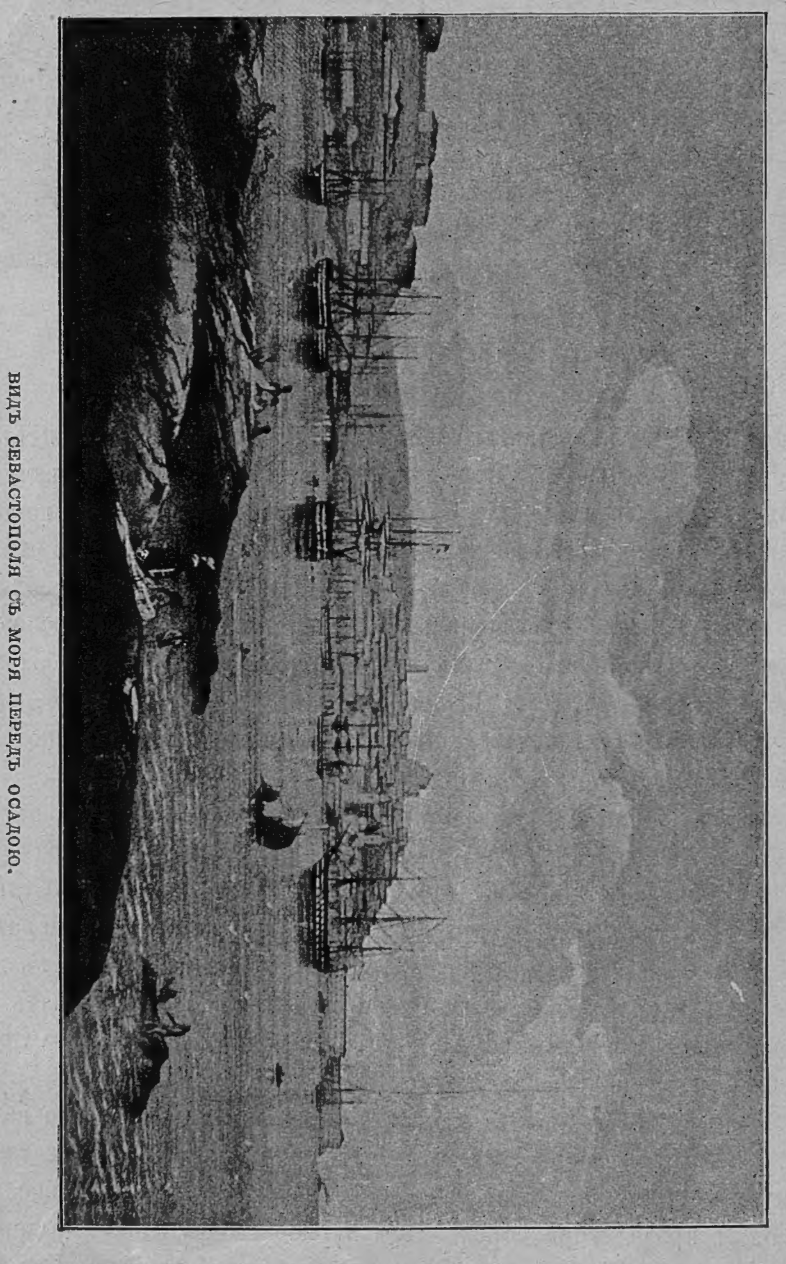

ВВЕДЕНІЕ.

Тяжелую годину переживала вся Европа въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Вся она была потрясена безконечными войнами, измучена кровавымъ владычествомъ французскаго императора Наполеона, который достигъ своего сана, возвысившись изъ званія простого артиллерійскаго офицера. Испанія, Италія, Германія, всѣ почувствовали на себѣ его тяжелую руку. И когда самонадѣянный Наполеонъ пошелъ въ Россію, съ намѣреніемъ побѣдить и ее, и былъ изгнанъ русскими, потерявъ большую часть своего войска—государи Европы соединились между собою, чтобы защищать свои владѣнія и предотвращать кровопролитныя войны, которыя приводили съ собою столько ужасныхъ бѣдъ для ихъ народа.

Императоръ Александръ I, который послѣ войны русскихъ съ Наполеономъ, окончившейся нашей побѣдой въ 1812 году, явился главнымъ умиротворителемъ Европы, своей рукой написалъ актъ «Священнаго союза», и лично передалъ его для подписи австрійскому императору и прусскому королю, считая ихъ своими вѣрными союзниками въ дѣлѣ освобожденія народовъ. Скоро однако монархи, обязавшіеся подчинять свои дѣйствія «единымъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя» и блюсти по отношенію другъ къ другу заповѣди святой вѣры, правды, любви и мира — измѣнили своимъ обѣщаніямъ. Съ самаго начала пруссаки и австрійцы перестали относиться къ этому акту, какъ къ серьезному государственному постановленію и только одно русское правительство, въ продолженіе сорока лѣтъ вѣрное своему слову, поддерживало иностранныя государства въ ихъ законныхъ требованіяхъ. Когда же императору Николаю I понадобилось прибѣгнуть къ помощи союзниковъ, то они не только не отозвались на его призывъ, но даже стали во враждебныя

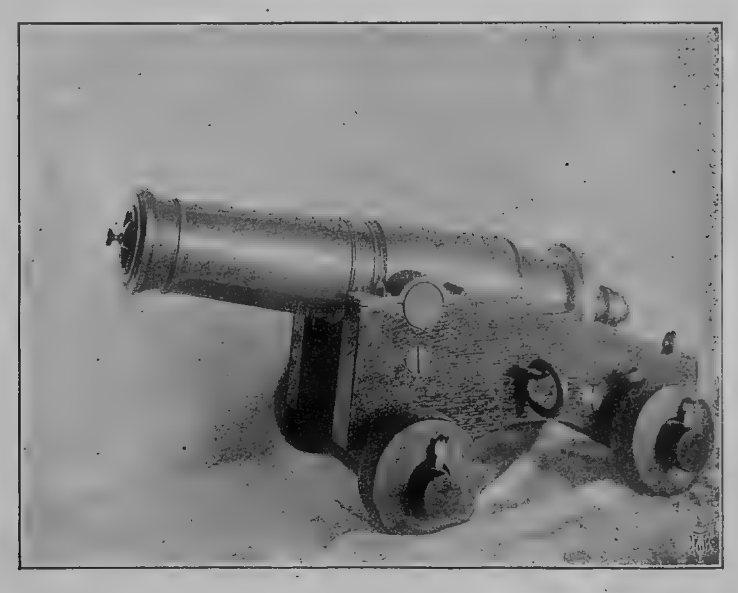
отношенія къ нему. Благодаря тому, что русское правительство всегда поддерживало иностранныхъ государей, боровшихся противъ своихъ подданныхъ, которые хотѣли завоевать себѣ свободу — наиболѣе свободо-

Видъ Севастополя съ моря передъ осадою.

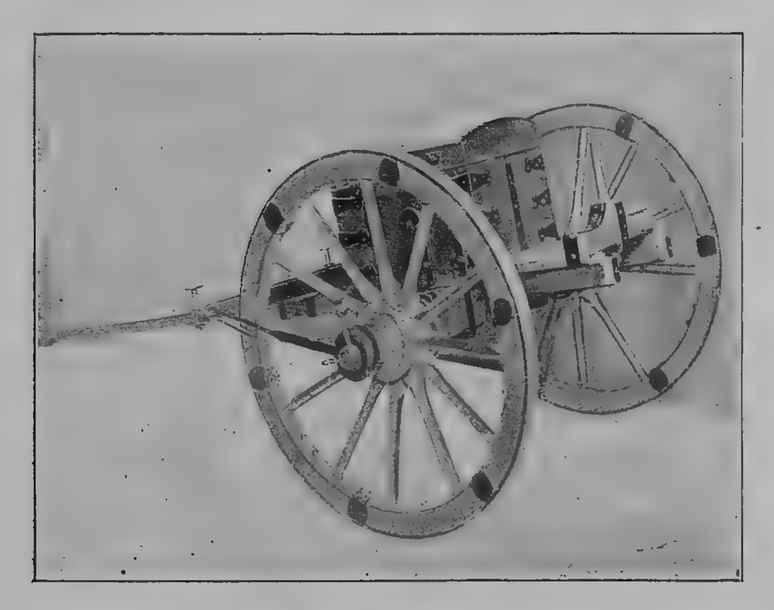
любивыя націи, Франція и Англія, относились къ Россіи крайне враждебно. Къ нимъ примкнули Австрія и Пруссія, всѣ онѣ ждали только повода, чтобы затѣять войну, и поводъ этотъ подала Турція.

Когда императоръ Николай I вступился за угнетаемыя Турціей православныя народности, турки, въ первый разъ чувствуя, что вся Европа поддержитъ ихъ, отказались исполнить требованія русскихъ. Напротивъ,

МОДЕЛЬ ОРУДІЯ ВРЕМЕНЪ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

въ ущербъ православнымъ подданнымъ французскому императору Наполеону III, который съ помощью всевозможныхъ интригъ и происковъ захватилъ французскій престолъ и, нелюбимый народомъ, желалъ от-

ПЕРЕДОКЪ ПОЛЕВОЙ ПУШКИ ВРЕМЕНЪ СЕВАСТОПОЛ СКОЙ ОБОГОНЫ.

влечь вниманіе своихъ подданныхъ отъ внутреннихъ дѣлъ государства, затѣявъ внѣшнюю войну—удалось добиться отъ турецкаго султана особеннаго покровительства католическимъ подданнымъ Турціи, жившимъ въ Палестинѣ. Такъ, напримѣръ, турки, всячески тѣсня православныхъ, отняли отъ православнаго патріарха ключи отъ главныхъ дверей Виѳлеемской церкви и передали ихъ католическому духовенству. Съ этого дня столкновеніе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Русскій царь считалъ себя законнымъ покровителемъ православной вѣры и не могъ остаться равнодушнымъ, видя униженіе православной церкви въ Палестинѣ, у самаго гроба Господня.

«Не завоеваній ищемъ мы, — говорилось въ Высочайшемъ мани-

ЛАЗАРЕТНАЯ ФУРА, ПРИСПОСОБЛЕННАЯ ИЗЪ ТАТАРСКОЙ МАЖАРЫ.

фествѣ отъ 15 іюня 1853 года, объявлявшемъ о войнѣ,—мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго, мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви».

Разумѣется, Турція и не думала исполнять требованій русскаго правительства, а когда Франція и Англія послали свои корабли къ Дарданельскому проливу, императоръ Николай I принужденъ былъ двинуть свои войска въ дунайскія княжества. Въ 1853 году началась война Россіи и Турціи: адмиралъ Нахимовъ истребилъ турецкій флотъ около Синопа, а сухопутныя русскія войска также одержали верхъ надъ турецкими. Тогда встревоженныя русскими побѣдами Франція и Англія въ

1854 году также объявили Россіи войну и 1 сентября 1854 года союзный турецкій, французскій и англійскій флотъ уже стоялъ въ виду Севастополя.

I.

Гроза надвигается.

Грозные непріятельскіе корабли уже качались на волнахъ Чернаго моря... Между тѣмъ Россія была далеко неподготовлена къ войнѣ. Надѣясь на миръ, который долженъ бы быть поддержанъ священнымъ союзомъ, русское правительство не озаботилось ни укрѣпить какъ слѣдуетъ свои границы, ни преобразовать войска, ни вооружить ихъ новымъ оружіемъ, которое давно было введено въ другихъ западныхъ государствахъ. У Франціи и Англіи былъ великолѣпный флотъ и хорошо обученное войско, у насъ же большинство судовъ были парусныя, въ Севастополѣ было мало снарядовъ и недостаточно укрѣпленій.

КН. А. С. МЕНЬШИКОВЪ.

Въ 10-мъ часу утра 1 сентября 1854 года жители Севастополя неожиданно увидѣли на горизонтѣ небольшое облачко дыма, а въ полдень всѣ уже узнали, что къ городу подвигается видимо-невидимо непріятельскихъ кораблей. Дѣйствительно, на разсвѣтѣ 2 сентября непріятельскій флотъ выстроился въ виду берега, растянувшись слишкомъ на 14 верстъ. Непріятель приступилъ къ высадкѣ. Взявъ безъ боя городъ Евпаторію, близъ Севастополя, союзники быстро перевезли на берегъ 45.000 войска и болѣе 80 орудій. День былъ ненастный и дождливый, солдаты и офицеры, не успѣвъ раскинуть палатокъ, ночевали на размокшей отъ дождя землѣ подъ открытымъ небомъ; за неимѣніемъ дровъ войско не могло развести огня и сварить себѣ горячую пищу, однако, ничто не останавли-

вало непріятеля; высадка продолжалась, и войска врага подвигались къ Севастополю вдоль морского берега; рядомъ шелъ флотъ, готовый въ случаѣ надобности поддержать своимъ огнемъ сухопутныя войска. Наконецъ, болѣе 60.000 непріятельскаго войска расположилось на правомъ берегу рѣки Альмы противъ стянувшихся на ея лѣвый берегъ русскихъ войскъ. Цѣлую ночь, холодную и ненастную, провели тутъ враги, стоя другъ противъ друга; русскіе мѣстами укрѣпляли свои позиціи, въ лагерѣ разносили дрова, зажигали костры и варили пищу. Не успѣло подняться солнце, какъ на французскомъ адмиральскомъ кораблѣ послышался бой зари, а въ русскомъ лагерѣ раздались звуки гимна «Коль славенъ»... Сраженіе надвигалось.

В. А. КОРНИЛОВЪ.

Оно не было удачно для русскихъ; несмотря на отчаянную храбрость нашихъ войскъ, непріятель, хотя и съ громадными потерями, взялъ наши позиціи. Потери въ людяхъ были громадны. Англійскій герцогъ, объѣзжая поле битвы, со слезами на глазахъ воскликнулъ:

— Еще одна такая побѣда и у королевы Англіи не будетъ войска.

Тяжелую картину представлялъ послѣ битвы русскій лагерь, сосредоточившійся на Качѣ; длинной вереницей подходили раненые со стономъ и плачемъ, корчась отъ боли; многихъ тяжело раненыхъ раненые менѣе тяжело приносили съ поля сраженія; у многихъ было по шести, по семи ранъ и, изнемогая отъ боли и страшной жажды, которая всегда мучитъ раненыхъ, плелись они все-таки за полками. Тогда уходъ за ранеными былъ далеко не такъ хорошъ, какъ теперь, о сестрахъ милосердія до севастопольской войны не было и помину.

Первой добровольной сестрой милосердія была дочь севастопольскаго солдата Дарья. Услышавъ, что на рѣкѣ Альмѣ будетъ большое сраженіе, она продала всѣ свои пожитки, забрала съ собою большой запасъ тря-

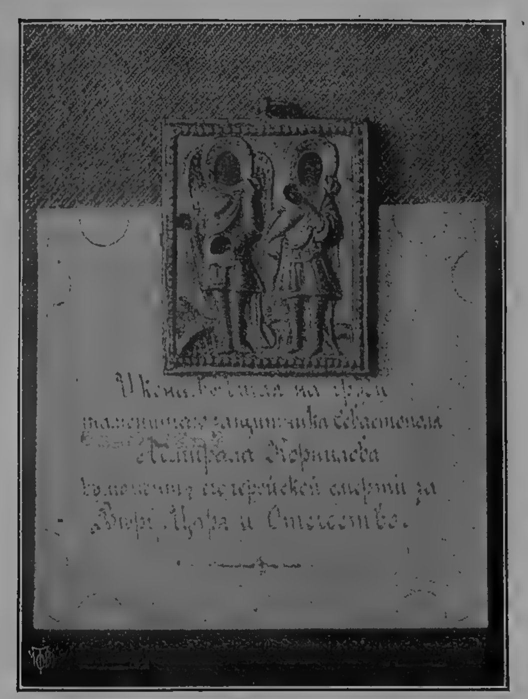
покъ, купила коня и поѣхала на немъ за арміей, переодѣвшись матросомъ. Въ открытомъ полѣ, подъ деревомъ, не обращая вниманія на выстрѣлы, она устроила свой перевязочный пунктъ; омывая раны, Дарья перевязывала ихъ, какъ умѣла, и тѣмъ облегчила страданія многихъ несчастныхъ.

Печально было на русскихъ бивуакахъ; тяжело было сознавать, что

ПАМЯТНИКЪ В. А. КОРНИЛОВУ НА МАЛАХОВОМЪ КУРГАНѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

первая битва съ непріятелемъ была проиграна, хотя и всѣ знали, что непріятель былъ и сильнѣе и лучше вооруженъ. Отовсюду неслись стоны раненыхъ, то здѣсь, то тамъ слышался голосъ грамотея, читавшаго отходную по убитомъ товарищѣ. Главнокомандующій Меньшиковъ совсѣмъ упалъ духомъ.

ИКОНА, БЫВШАЯ НА ГРУДИ ЗНАМЕНИТАГО ЗАЩИТНИКА СЕВАСТОПОЛЯ АДМИРАЛА КОРНИЛОВА ВЪ МОМЕНТЪ ЕГО ГЕРОЙСКОЙ СМЕРТИ.

II.

Первыя приготовленія къ оборонѣ.

Севастополь тѣмъ временемъ наскоро укрѣплялся. Уходя съ войсками на Альму, главнокомандующій, Меньшиковъ, поручилъ Севастополь Корнилову, на котораго онъ могъ вполнѣ положиться, прибавивъ:

— Я вдохнулъ душу въ севастопольское тѣло!

Корниловъ, умный, проницательный и спокойный, въ высшей степени добросовѣстно относился ко всякому поручаемому ему дѣлу. Когда курьеръ отъ князя Меньшикова привезъ Корнилову печальную вѣсть о пораженіи, онъ собралъ совѣтъ и сказалъ:

— Предлагаю нашему флоту выйти въ море, напасть на непріятельскій флотъ, постараться разбить его, а при неудачѣ схватиться на абордажъ, т.-е. сцѣпиться съ самыми сильными непріятельскими кораблями и съ ними взорваться на воздухъ; такъ мы спасемъ и армію и Севастополь.

Но тутъ поднялся другой доблестный адмиралъ, Нахимовъ, который краснорѣчиво доказалъ невозможность борьбы 14-ти русскихъ кораблей съ флотомъ, въ десять разъ сильнѣйшимъ; онъ предложилъ потопить нѣсколько

ПОРТРЕТЪ В. А. КОРНИЛОВА.

МАТРОСКА УГОЩАЕТЪ СОЛДАТЪ АЛАДЬЯМИ. — КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

МАТРОСЪ ГРИГОРІЙ ТАЛЮКЪ. — КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

ВОЗВРАЩЕНІЕ СЪ БИТВЫ. — КАРТИНА И. ПРЯНИШНИКОВА.

МАТРОСЪ КОШКА КРАДЕТСЯ ЗА УБИТЫМЪ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОМЪ.—КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

старыхъ судовъ у входа въ гавань, чтобы помѣшать непріятелю проникнуть на рейдъ, а людей съ нихъ взять для защиты Севастополя.

Тяжело было Корнилову согласиться на этотъ планъ. Узнавъ о прибытіи главнокомандующаго, Корниловъ поспѣшилъ къ нему, объяснилъ ему все, что говорилось въ совѣтѣ, и ждалъ его приказаній.

— Затопите корабли,—промолвилъ Меньшиковъ,—команды переведите на укрѣпленія.

П. С. НАХИМОВЪ.

Корниловъ волей-неволей долженъ былъ повиноваться. Вечеромъ 10 сентября назначенныя для загражденія рейда суда были выведены въ море.

Съ грустью провожали ихъ вдоль берега толпы народа, прощаясь съ ними какъ съ дорогими усопшими.

Въ послѣдній разъ сыграли на корабляхъ зорю и спустили флаги, затѣмъ начали прорубать дно, раздался трескъ и шесть судовъ постепенно скрылись подъ водой, только корабль «Три Святителя» продолжалъ качаться на волнахъ. Въ толпѣ говорили:

— Не поддается старый, боевой смерти проситъ!—Наконецъ, корабль былъ взорванъ миной.

Русскія войска думали, что врагъ тотчасъ же пойдетъ на штурмъ на сѣверную часть Севастополя. Корниловъ и знаменитый инженеръ Тотлебенъ воздвигали укрѣпленіе за укрѣпленіемъ. 1,200 человѣкъ рабочихъ, матросовъ и добровольцевъ работали подъ ихъ руководствомъ. Однако поутру выяснилось, что непріятель, минуя сѣверную сторону, спускался къ южной сторонѣ Севастополя.

Тамъ распоряжался адмиралъ Нахимовъ, у него подъ начальствомъ было всего около 3.000 человѣкъ, а укрѣпленія тянулись на 8 верстъ и не были еще закончены. Корниловъ, замѣтивъ обходъ непріятеля, кинулся также въ южную часть Севастополя. Подъ его начальствомъ солдаты

и всѣ жители, не различая званія и состоянія, старые и малые, богатые и бѣдные, продолжали воздвигать укрѣпленія, работая день и ночь не покладая рукъ. Была и такая батарея, которую насыпали однѣ женщины, почему она до конца осады Севастополя и сохранила названіе «дѣвичьей».

Непріятель однако не наступалъ, очевидно рѣшивъ взять городъ осадой. Непріятельское войско страдало отъ холода, голода и болѣзней, ожидая подвоза провіанта и снарядовъ съ моря.

Тѣмъ временемъ доблестные защитники Севастополя продолжали свое дѣло. Корниловъ соединилъ людей въ экипажи и размѣстилъ ихъ такъ, что каждый адмиралъ, командовавшій извѣстной дистанціей, имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣ-же самыя части, которыми командовалъ на

ПЛИТА НА МѢСТѢ, ГДѢ БЫЛЪ УБИТЪ НАХИМОВЪ.

судахъ. Командиры кораблей и экипажей назначены были начальниками тѣхъ бастіоновъ или батарей, на которыхъ стояли ввѣренные ихъ командѣ офицеры и нижніе чины. Матросы перенесли на бастіоны всѣ порядки, къ которымъ они привыкли на судахъ. Брустверы напоминали матросамъ борта ихъ кораблей, а темныя и тѣсныя землянки и устроенные впослѣдствіи блиндажи—судовыя каюты. Время стали считать склянками или песочными часами, и каждые полчаса часовой возвѣщалъ ударомъ въ колоколъ. Матросы ввели всюду морскія названія и въ такой обстановкѣ легко привыкли къ службѣ на сухопутныхъ батареяхъ. Офицеры, смотря на бастіонъ, заботились обо всемъ сами, запасаясь снарядами и продовольствіемъ, и это имѣло громадное значеніе для обороны, избавляло отъ всякой медлительности и путаницы.

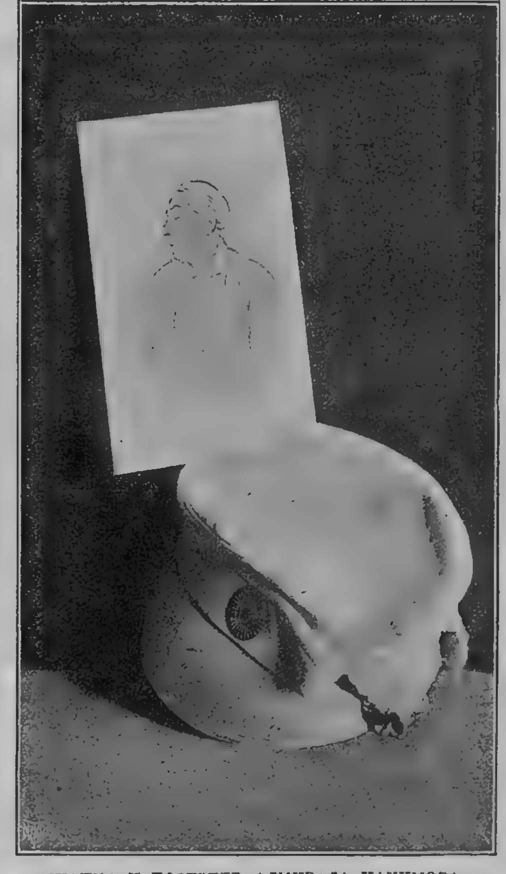
III.

Первый натискъ.

Приближался страшный день 5 октября. Наканунѣ Корниловъ, слѣдя за непріятелемъ, возводившимъ въ свою очередь укрѣпленіе за укрѣпленіемъ, сказалъ:

— Завтра будетъ жаркій день! Англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ. Я опасаюсь за большія потери отъ непривычки; впрочемъ наши молодцы скоро устроятся — безъ урона же сдѣлать ничего нельзя. А жаль, многіе изъ нихъ завтра слягутъ!

5 октября былъ какъ разъ день полкового праздника для московскаго полка и перестрѣлка открылась въ ту самую минуту, когда въ немъ служили молебенъ. Выстрѣлы перепугали всѣхъ въ городѣ, укрыться отъ нихъ было не легко. Тучи снарядовъ летали въ воздухѣ среди порохового дыма: ядра, бомбы, гранаты, камни, щебень, земля.

ШАПКА И ПОРТРЕТЪ АДМИРАЛА НАХИМОВА.

Какъ только раздались первые выстрѣлы, Нахимовъ и Корниловъ вскочили на коней и отправились на четвертый и пятый бастіоны. Оба оставались на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Нахимовъ получилъ рану въ голову въ самомъ началѣ боя.

— Вы ранены?—испуганно спросилъ его стоявшій возлѣ него офицеръ.

— Не правда-съ,—хмуро отвѣтилъ Нахимовъ, желая скрыть свою рану отъ матросовъ, которые любили его,—слишкомъ мало-съ, чтобы стоило говорить объ этомъ.

Простясь съ Нахимовымъ, Корниловъ отправился на третій бастіонъ, самый опасный. Людей выбыло на немъ такъ много, что батареи едва

могли продолжать стрѣльбу. Распорядившись относительно продолженія защиты, Корниловъ направился на Малаховъ курганъ.

— Здѣсь очень опасно,—сказалъ ему сопровождавшій его офицеръ, умоляя его не рисковать жизнью.

— Время ли теперь думать объ опасности!—сказалъ Корниловъ и заговорилъ съ знакомымъ матросомъ. Оставивъ свои распоряженія и здѣсь, онъ произнесъ:

— Вотъ теперь, пожалуй, и поѣдемъ.—Не успѣлъ онъ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ ядромъ раздробило ему ногу...

Когда офицеры бросились поднимать его, онъ промолвилъ:

ЭПОЛЕТЫ И КРЕСТИКЪ ИЗЪ КУСОЧКА ЧЕРЕПНОЙ КОСТИ АДМИРАЛА НАХИМОВА, ВЫНУТОЙ ПРИ ПЕРЕВЯЗКѢ СМЕРТЕЛЬНОЙ РАНЫ.

— Отстаивайте-же Севастополь! — Въ госпиталѣ, куда его перенесли, послѣднія слова его были:—Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать съ чистой совѣстью!—и уже угасающимъ голосомъ продолжалъ:—Спаси, Господи, Россію, Севастополь и флотъ!—Съ этими словами онъ умеръ.

Бомбардировка продолжалась вплоть до наступленія ночи, когда измученные продолжительнымъ боемъ солдаты падали тутъ же около орудія, чтобы хоть немного отдохнуть; нѣкоторые ухаживали за раненымъ, которые массами лежали на бастіонѣ; длинными рядами носили по улицамъ убитыхъ. Многіе исправляли по командѣ офицеровъ разрушенныя укрѣпленія. Съ утра бомбардировка возобновилась, но притерпѣвшіеся солдаты встрѣчали ее съ болѣе бодрымъ духомъ.

— Не кланяйся по пустому,—говорили опытные солдаты новичкамъ,

которые, увидѣвъ летѣвшую на нихъ бомбу, пригнулись къ землѣ,—всякому ядру станешь кланяться — шею свихнешь; погоди, коли попадетъ, само сломитъ.

Слѣдившіе за полетомъ непріятельскихъ ядеръ часовые то и дѣло кричали: «пушка» или «маркела» (мортира), солдаты же въ это время спокойно продолжали исполнять свои обязанности; но вотъ раздается свистъ, ударъ и разрывъ бомбы и тяжелый стонъ; въ крови и грязи лежитъ матросъ, на лицѣ котораго отражается сначала испугъ, смѣняющійся быстро выраженіемъ какой-то восторженности; съ трудомъ приподнявъ голову онъ говоритъ товарищамъ, которые укладываютъ его на носилки: «простите, братцы!» и въ этихъ словахъ звучитъ и покорность судьбѣ и безконечная скорбь человѣка, который чувствуетъ, что насталъ его послѣдній часъ. Товарищъ подходитъ къ раненому, надѣваетъ ему фуражку на голову и, простоявъ минуту, идетъ къ своему орудію. Быстро привыкаютъ солдаты къ аду, который ихъ окружаетъ. Чувство страха и чувство жалости одинаково притупляются, гулъ орудій перестаетъ оглушать, слова: «контуженъ», «раненъ», «убитъ» произносятся равнодушно.

ПАМЯТНИКЪ КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Цѣлыми днями облака порохового дыма, носясь надъ городомъ, скрывали отъ глазъ не только всѣ батареи и всю окрестность, но и самое солнце. Свѣтъ его померкнулъ, и оно казалось раскаленнымъ шаромъ или кровавымъ кругомъ, медленно опускавшимся надъ горизонтомъ. Были такія минуты, когда вокругъ ничего не было видно, кромѣ дыма, прорѣзаннаго огненными языками, вырывавшимися изъ орудій. Пятаго октября при этомъ не было вѣтра. Воздухъ былъ такъ сгущенъ, что трудно было дышать. Отъ непрерывнаго гула орудій и отъ сотрясенія, производимаго выстрѣлами, казалось, трепетала земля. «Смерть, — какъ говоритъ писатель Станюковичъ, — летала

по бастіонамъ и по городу въ видѣ бомбъ и гранатъ, лопающихся и разлетающихся осколками, которые осыпали войска, стоявшія на улицахъ».

Жители города скоро однако свыклись съ этимъ адомъ. Дамы и простыя женщины безстрашно выходили изъ домовъ, поили истомленныхъ солдатъ водой и чаемъ. Арестанты, выпущенные по приказанію Корнилова, работали на опасныхъ бастіонахъ, бережно ухаживали за ранеными. Въ одинъ изъ дождливыхъ вечеровъ они принесли на батарею нѣсколько лодокъ, лежавшихъ на берегу бухты, укладывали вымокшихъ до нитки солдатъ и накрывали ихъ лодками. Хоть одну ночь выспались, благодаря имъ, кое-какъ страдальцы.

ЧАСОВНЯ НА МОГИЛѢ ГОРЧАКОВА НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

IV.

Осажденный Севастополь.

Послѣ первой разрушительной бомбардировки — защитники всю ночь исправляли поврежденія батарей и бастіоновъ, изъ которыхъ нѣкоторые были совершенно разрушены. Такъ на третьемъ бастіонѣ три раза смѣнялись защитники, убитые или раненые. «Ничѣмъ не прикрытые, — разсказываетъ очевидецъ, — подъ градомъ ядеръ, бомбъ и гранатъ, матросы продолжали стрѣлять по непріятельскимъ батареямъ, какъ вдругъ вражеская бомба пробила пороховой погребъ, и страшный взрывъ поднялъ на воздухъ часть третьяго бастіона и свалилъ его въ ровъ вмѣстѣ съ орудіями и матросами артиллеристами». Ихъ погибло около ста человѣкъ и двадцать орудій изъ 22-хъ было разбито. Обезображенные обгорѣлые трупы валялись во рву и между орудіями: тамъ груды рукъ, тутъ однѣ головы безъ туловища.

Бастіонъ представлялъ картину полнаго разрушенія. Казалось, исчезла уже всякая возможность противодѣйствовать артиллеріи непріятеля. Но стоявшіе близъ бастіона офицеры и матросы 41-го экипажа бросились на

помощь къ 3-му бастіону; опять загремѣли выстрѣлы изъ двухъ оставшихся орудій и сосѣдняя батарея, стремясь отвлечь вниманіе врага отъ разрушеннаго бастіона, тоже начала палить. За ночь всѣ разрушенные бастіоны были возстановлены.

Желая отвлечь союзныя войска отъ безпрерывной бомбардировки Севастополя, главнокомандующій Меньшиковъ (котораго за неудачное веденія войны и угрюмый нравъ солдаты звали Измѣнщиковымъ), получивъ подкрѣпленія, напалъ на непріятельскія войска подъ г. Балаклавой. Когда предпріятіе это увѣнчалось успѣхомъ, и англійскіе и турецкіе полки понесли большія потери, Меньшиковъ рѣшилъ дать непріятелю еще сраженіе при Инкерманѣ 24-го октября. Къ сожалѣнію, Меньшиковъ никому не сообщилъ толкомъ плана сраженія: войска наши сражались геройски, якутскій и селенгинскій полкъ и другіе дрались какъ львы, изъ охотскаго полка уцѣлѣло всего лишь сорокъ человѣкъ и десять офицеровъ, но, благодаря отсутствію хорошаго оружія и настоящаго серьезнаго распорядка, сраженіе было проиграно и войска наши отступили, усѣявъ поле битвы убитыми и ранеными, своими и непріятелями.

ПАМЯТНИКЪ М. П. ЛАЗАРЕВУ.

Тѣ, которые были еще въ силахъ идти, медленно собирались къ своимъ бивуакамъ, присаживаясь отъ усталости и слабости; нивѣсть откуда взявшаяся старуха-матроска съ вязанкой дровъ развела огонь, разложила сковороду и, наливъ ее постнымъ масломъ, начала печь оладьи, которыми угощала раненыхъ, пока не вышелъ у нея весь запасъ тѣста.

Тяжело раненыхъ подбирали на повозки, такъ-называемыя полуфурки, и отправляли въ госпитали; при этомъ гранаты попадали иногда на пере-

вязочные пункты и производили ужасное смятенie среди докторовъ и раненыхъ страдальцевъ.

Меньшиковъ, такимъ образомъ, проигравъ Инкерманское сраженie, ничѣмъ не помогъ Севастополю. Теперь онъ окончательно отчаялся въ его спасенiи. Кромѣ того у него не хватало многаго по снабженiю армiи—съѣстныхъ запасовъ, пороху.

Севастополь переживалъ тяжелые дни: 2-го ноября на Черномъ морѣ разыгралась страшная буря, смѣнившаяся продолжительными дождями. Траншеи были буквально затоплены сбѣгавшей въ нихъ со всѣхъ сторонъ водою.

КНЯЗЬ ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

V.

Жизнь защитниковъ Севастополя.

Защитники Севастополя въ эту пору положительно валялись въ грязи, какъ писали потомъ объ этомъ въ «Исторiи Севастопольской обороны»; они оставались на открытомъ воздухѣ въ дождь и бурю, морозъ и метель. Единственной защитой ихъ отъ холодныхъ вѣтровъ были сложенныя наскоро изъ камней стѣнки, ямы или рвы, кое-какъ прикрытые сверху. Командиры бастiоновъ жили въ землянкахъ, такихъ маленькихъ, что въ нихъ едва можно было вытянуться во весь ростъ. Если на батареѣ встрѣчалась еще одна такая землянка для нѣсколькихъ офицеровъ, то такая землянка считалась роскошнымъ помѣщенiемъ. Никто не раздѣвался въ продолженiе мѣсяцевъ. Иной пробовалъ прилечь на голой землѣ, но холодъ и сырость гнали его прочь. Хорошо, кому удавалось пристроиться подъ навѣсомъ насыпи или прислониться къ станку, на которомъ лежало орудiе—положенiю такого счастливца всѣ завидовали.

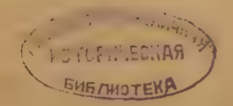
Находившiяся на укрѣпленiяхъ войска также не имѣли ни крова, ни

ПОДВОЗКА МАТЕРІАЛОВЪ. — КАРТИНА И. ПРЯНИШНИКОВА.

ОБѢДЪ ВОИНОВЪ. — КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

ТУШЕНІЕ БОМБЫ ПЕСКОМЪ. — КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

П. С. НАХИМОВЪ НА 3-МЪ БАСТІОНѢ. — КАРТИНА И. ПРЯНИШНИКОВА.

теплой одежды. Съ самаго начала осады солдаты принуждены были сами изобрѣтать средства для защиты отъ дождя и стужи. Въ то время солдаты не были еще снабжены полушубками и довольствовались мундиромъ и шинелью. Въ дождливую погоду они мастерили себѣ башлыки изъ рогожъ, выдававшихся имъ для подстилки. Такъ какъ куль выдавался одинъ

ПАМЯТНИКЪ МАТРОСУ ШЕВЧЕНКѢ.

на двоихъ, то солдаты разрѣзали его вдоль на двѣ части, такъ что каждому доставалось по готовому шитому углу. Надѣвъ его на голову, бѣдный солдатикъ защищалъ себя отъ дождя и непогоды.

Благодаря наступившимъ морозамъ, весеннія дѣйствія нѣсколько пріостановились: враги и наши старательно укрѣплялись. Наши охотники

дѣлали время отъ времени ночныя вылазки: смѣльчаки отправлялись саженъ за двѣсти отъ укрѣпленій, заползали въ ямки и оттуда стрѣляли по непріятелю.

ОБЩІЙ ВИДЪ МАЛАХОВА КУРГАНА.

Къ 6-му декабря войска получили извѣщеніе, что каждый мѣсяцъ ихъ службы сочтется имъ за годъ.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ МОНАСТЫРЯ. ЛАМПАДА И ЛИСТЪ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ, НАЙДЕННЫЕ НА МАЛАХОВОМЪ КУРГАНѢ.

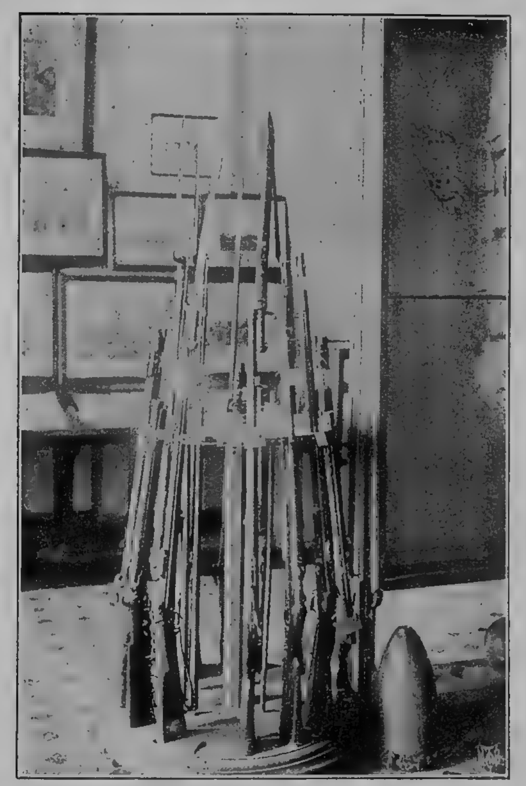
Госпитали въ Севастополѣ были переполнены ранеными: они находили здѣсь мало удобствъ — перевязочныхъ средствъ не хватало. Лежали бѣдняги очень тѣсно, большею частью на нарахъ, въ собственномъ бѣльѣ, залитомъ кровью, которое не мѣнялось по нѣскольку недѣль. Какой воздухъ былъ въ палатахъ. Сколько раненыхъ оставалось по два—три дня безъ глотка вина для подкрѣпленія силъ. Доктора не успѣвали дѣлать правильныя перевязки.

МАСКА И СЛѢПОКЪ СЪ РУКИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Слухи о плохомъ состояніи госпиталей дошли до Петербурга, и въ Севастополь былъ командированъ извѣстный профессоръ и хирургъ Тарасовъ, который всѣми силами старался улучшить положеніе раненыхъ. Самоотверженныя сестры милосердія, знатныя дамы, жены моряковъ, женщины всѣхъ сословій, по мѣрѣ возможности, не жалѣя себя, помогали ему.

Первая Крестовоздвиженская община была организована Великой Княгиней Еленой Павловной на ея средства.

РУССКОЕ ОРУЖІЕ ВРЕМЕНЪ КРЫМСКОЙ КАМПАНІИ.

Однако долго еще не могъ онъ принести существенной пользы дѣлу: благодаря плохому состоянію дорогъ, обозы съ перевязочными и съѣстными припасами и съ одеждой для войска подходили къ Севастополю очень медленно, задерживались на переправахъ близъ Перекопа, припасы гнили на дождѣ.

Прошло 3 мѣсяца осады, наступалъ новый 1855 годъ, а бомбардировка Севастополя все продолжалась. Всѣ уже привыкли къ ней: жены носили мужьямъ обѣдъ на бастіонъ, дѣти подбирали безстрашно не разорвавшіеся снаряды. Многихъ женщинъ убивало, но это не останавливало остальныхъ.

Послѣ неудачной попытки взять Евпаторію и затопленія послѣднихъ кораблей, Меньшиковъ, давно просившій объ отставкѣ, былъ смѣненъ княземъ Горчаковымъ. Севастополь все еще держался.

Въ это время скончался императоръ Николай I.

VI.

Послѣдніе дни обороны.

Новаго главнокомандующаго встрѣтили съ восторгомъ. Однако, онъ вовсе не былъ настолько уменъ и даровитъ, чтобы облегчить положеніе Севастополя и помочь неуспѣху вой-

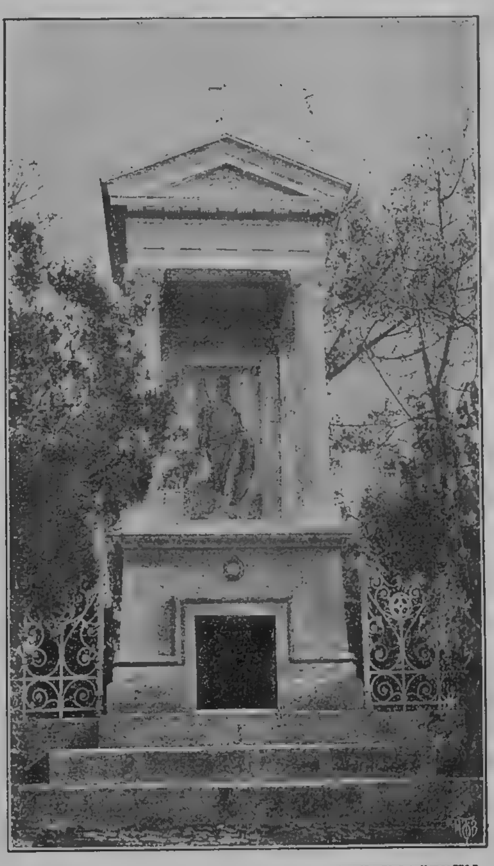
темки, минныя мотыги и проч.

ны: онъ постоянно медлилъ и трусилъ, чтобы власти и новый императоръ не обвиняли его въ неудачѣ.

Непріятель въ началѣ марта возобновилъ бомбардировку Севастополя и 7-го числа погибъ на Малаховомъ курганѣ отъ непріятельскаго ядра одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ защитниковъ Севастополя, Истоминъ. Безстрашный, проницательный и неутомимый, онъ превратилъ Мала-

ПАМЯТНИКЪ ТОТЛЕБЕНУ НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ПАМЯТНИКЪ КУМАНИ НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ховъ курганъ въ настоящую крѣпость. Людямъ подъ его начальствомъ жилось много легче: онъ заботился о томъ, чтобы они были по возможности сыты и одѣты, самъ не доѣдалъ и терпѣлъ голодъ съ ними, заботился о раненыхъ, работалъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.

Въ минуту смерти онъ шелъ по гребню траншеи и когда ему замѣтили, что здѣсь опасно, возразилъ:

— Все равно отъ ядра не спрячешься! — и въ этотъ мигъ ядро оторвало ему голову. Матросы горько оплакивали кончину любимаго начальника.

Вскорѣ начались штурмы, самый ужасный былъ 28 марта, на второй день праздника Пасхи. Всю Страстную непріятель осыпалъ Севастополь градомъ снарядовъ и люди молились въ церквахъ подъ грохотъ орудій.

28-го марта непріятель приступилъ къ штурму съ пяти часовъ утра. Ядра какъ резиновые мячики прыгали по улицамъ; жители спасались какъ могли безъ особенной суеты и страха; къ осадѣ и смерти успѣли привыкнуть и женщины и дѣти. Изрѣдка кто-нибудь произносилъ:

НИЖНІЙ ЗАЛЪ ВЪ МУЗЕѢ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

— Господи! хуже ада кромѣшнаго!

По улицамъ тянулись носилки съ окровавленными солдатами, двигались войска, проѣзжали фуры съ водой и снарядами. Гулъ отъ орудій, стоновъ раненыхъ стоялъ кругомъ, не утихая.

Но защитники Севастополя все еще держались. Какъ стѣны стояли они непоколебимо, осыпаемые тысячами снарядовъ — только окрестности города все покрывались, да покрывались братскими могилами.

Съ конца февраля до середины іюня у насъ выбыло ранеными и убитыми болѣе 50.000 человѣкъ.

МОДЕЛИ ВЪ МУЗЕѢ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ОДНОЙ ИЗЪ ЗАЛЪ МУЗЕЯ.

11-го мая французы вновь кинулись на наши укрѣпленія. Загорѣлся ужасный, страшный бой; траншеи переходили изъ рукъ въ руки. Надъ полемъ битвы, по словамъ очевидцевъ, образовался точно огненный сводъ изъ летящихъ бомбъ и ядеръ. Защитники Севастополя и непріятель погибали сотнями. До утра рѣзались въ траншеяхъ.

12-го мая было заключено перемиріе; союзники и русскіе, только что яростно сражавшіеся, мирно бесѣдовали теперь на ломаномъ языкѣ между собою, жестами дополняя недосказанное, и убирали трупы своихъ.

МУЗЕЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

А на другой день штурмъ возобновился. Опять закипѣлъ бой, опять началась лихорадочная работа докторовъ и сестеръ въ госпиталяхъ.

Наконецъ союзнымъ войскамъ удалось захватить нѣсколько укрѣпленій; 6-го іюня начался 4-й штурмъ Севастополя. Русскія войска подъ начальствомъ генерала Хрулева отбили его. 28-го іюня на Малаховомъ курганѣ убитъ былъ знаменитый адмиралъ Нахимовъ, простой и добрый, обожаемый солдатами и необыкновенно талантливый человѣкъ. Когда его предупредили объ опасности и одинъ изъ полковниковъ, желая увести его съ опаснаго мѣста, предложилъ ему придти отслушать всенощную — Павелъ Степановичъ отвѣтилъ:

— А вотъ сейчасъ приду-съ. Я васъ не держу.—Въ это время пуля ударила возлѣ него въ земляной мѣшокъ.

ВНУТРЕННОСТЬ БАТАРЕИ МАЛАХОВА КУРГАНА, ГДѢ БЫЛЪ УБИТЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ КОРНИЛОВЪ, 5-ГО ОКТЯБРЯ 1854 Г.

ПЕРЕДЪ БИТВОЙ. — КАРТИНА И. ПРЯНИШНИКОВА.

ПОСЛѢДНЯЯ ТРУБКА. — КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

МОГИЛА ГЕНЕРАЛА НА ФРАНЦУЗСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ПАМЯТНИКЪ НА АНГЛІЙСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ПАМЯТНИКЪ СПИЦЫНУ НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ОДНА ИЗЪ МОГИЛЪ ОФИЦЕРОВЪ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

— Они цѣлятъ довольно хорошо,—спокойно прибавилъ Нахимовъ. Его опять предупредили объ опасности.

— Это дѣло случая,—промолвилъ онъ... и упалъ, сраженный пулей въ високъ. Не приходя въ себя, онъ скоро скончался.

УКРАШЕНІЯ У ВХОДА ВЪ МУЗЕЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

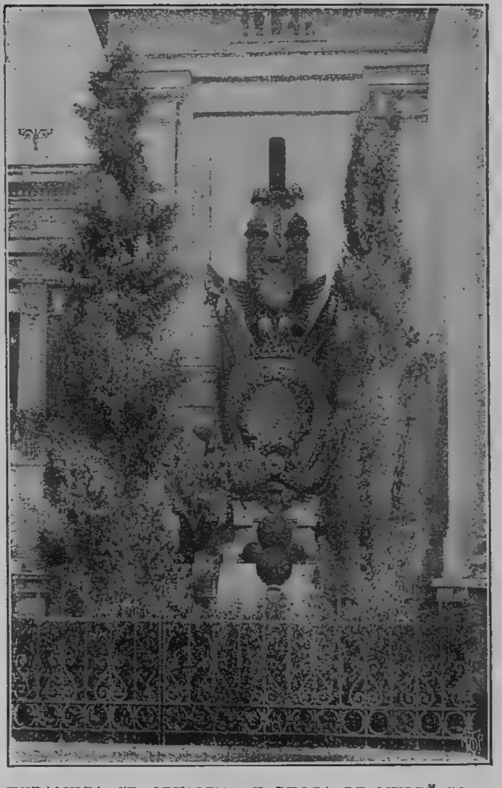
Смерть его произвела всеобщее уныніе.

Между тѣмъ Севастополь доживалъ послѣдніе дни. Предпринятое Горчаковымъ наступленіе не привело къ цѣли и 27-го августа начался шестой и послѣдній штурмъ Севастополя. Послѣ кровопролитной битвы развалины южнаго Севастополя были предоставлены врагу, а войско,

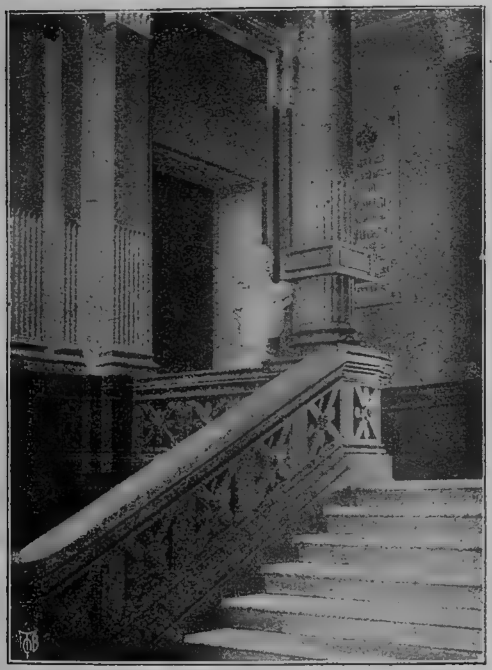
перевезено черезъ бухту частью на судахъ, частью по пловучему мосту на другую сторону. Вотъ какъ описалъ эту тяжелую и страшную минуту великій писатель земли русской Л. Н. Толстой:

«Въ девятомъ часу вечера на пароходѣ перевозили батарею на сѣверную; солдаты, пушки, лошади и раненые тѣснились на палубѣ. Выстрѣловъ нигдѣ не было. Звѣзды такъ же, какъ и въ прошлую ночь, ярко блестѣли на небѣ; но сильный вѣтеръ колыхалъ море. На 1-мъ и 2-мъ бастіонахъ вспыхивали по землѣ молніи; взрывы потрясали воздухъ и освѣщали вокругъ себя какіе-то черные, странные предметы и камни, взлетавшіе на воздухъ. Что-то горѣло около доковъ и красное пламя отражалось въ водѣ. Мостъ, наполненный народомъ, освѣщался огнемъ Николаевской батареи. Большое пламя стояло, казалось, надъ водой на далекомъ мыску Александровской батареи и освѣщало низъ облака дыма, стоявшаго надъ нимъ, и тѣ же, какъ и вчера, спокойные, дерзкіе, далекіе огни блестѣли на морѣ на непріятельскомъ флотѣ. Свѣжій вѣтеръ колыхалъ бухту.

При свѣтѣ заревовъ пожаровъ видны были мачты нашихъ утопающихъ кораблей, которые медленно глубже и глубже уходили въ воду. Говора не слышно было на палубѣ: только изъ-за равномѣрнаго звука разрѣзанныхъ волнъ и пара слышно было, какъ лошади фыркали и то-

ПИРАМИДА СЪ ОРУДІЯМИ У ВХОДА ВЪ МУЗЕЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

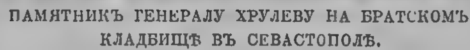

ЛѢСТНИЦА МУЗЕЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

пали ногами на шаландѣ, слышны были командныя слова капитана и стоны раненыхъ.

— Вишь, и наши казармы подожгли,—сказалъ солдатъ, вздыхая:— и сколько-тамъ нашего брата пропало; а ни за что французу досталось!

ПАМЯТНИКЪ ГЕНЕРАЛУ ХРУЛЕВУ НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

КУБОКЪ И ТРУБКА ГЕНЕРАЛА ХРУЛЕВА.

— По крайности, сами живые вышли, и то—слава те, Господи!— отвѣтилъ другой.

— А все обидно!

— Да что обидно-то? Развѣ онъ тутъ разгуляется! Какъ же! Гляди, наши опять отберутъ. Ужь сколько бы нашего брата ни пропало, а, какъ Богъ святъ, велитъ Императоръ—и отберутъ. Развѣ наши такъ оставятъ ему? Какъ же! на вотъ тебѣ голыя стѣны; а шанцы то всѣ повзорвали... Небось свой значокъ на курганѣ поставилъ, а въ городъ не суется. Погоди, еще расчетъ съ тобою будетъ настоящій—дай срокъ,—заключилъ онъ, обращаясь къ французамъ.

— Извѣстно, будетъ!—сказалъ другой съ убѣжденіемъ.

По всей линіи Севастопольскихъ бастіоновъ, столько мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновенною энергическою жизнью, столько мѣсяцевъ видѣвшихъ смѣняемыхъ смертью, однихъ за другими умирающихъ героевъ, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, ненависть и, наконецъ, восхищеніе враговъ,— на Севастопольскихъ бастіонахъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свѣжими взрывами, обсыпавшейся землѣ вездѣ валялись исковерканные лафеты, придавившіе человѣческіе русскіе и вражескіе трупы, тяжелыя, замолкнувшія навсегда чугунныя пушки, страшною силой сброшенныя въ ямы и до половины засыпанныя землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревенъ, блиндажей, и опять молчаливые трупы въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрогалось еще и освѣщалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ.

ПАМЯТНИКЪ ИНКЕРМАНСКАГО СРАЖЕНІЯ.

ВИДЪ НА ЧЕРНУЮ РѢЧКУ.

Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ Севастополѣ. Взрывы эти и мертвое молчаніе на бастіонахъ заставляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣрить еще, подъ вліяніемъ сильнаго, спокойнаго отпора дня, чтобы исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и молча, не шевелясь, съ трепетомъ ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную ночь, сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь

у бухты, по мосту и на сѣверной, медленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на которомъ столько оно оставило храбрыхъ братьевъ, отъ мѣста, всего облитаго его кровью, отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага и которое теперь велѣно было оставить безъ боя.

ПАМЯТНИКЪ КОЗАРСКОМУ НА МИЧМАНСКОМЪ БУЛЬВАРѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Непонятно тяжело было для всякаго русскаго первое впечатлѣніе этого приказанія. Второе чувство было страхъ преслѣдованія. Люди чувствовали себя беззащитными, какъ только оставили тѣ мѣста, на которыхъ привыкли драться, и тревожно толпились во мракѣ у входа моста, который качалъ сильный вѣтеръ. Сталкиваясь штыками и толпясь пол-

ками, экипажами и ополченіями, жалась пѣхота, проталкивались конные офицеры съ приказаніями, плакали и умоляли жители и деньщики съ поклажею, которую не пропускали; шумя колесами, пробивалась къ бухтѣ артиллерія, торопившаяся убираться. Несмотря на увлеченіе разнородными суетливыми занятіями, чувство самоохраненія и желанія выбраться какъ можно поскорѣе изъ этого страшнаго мѣста смерти—присутствовало въ душѣ каждаго. Это чувство было: и у смертельно раненаго солдата, лежащаго между пятью стами такихъ же раненыхъ, на каменномъ полу Павловской набережной, и просящаго Бога о смерти, и у ополченца, изъ

МАВЗОЛЕЙ ГЕНЕРАЛОВЪ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ПАМЯТНИКЪ БАЛАКЛАВСКАГО СРАЖЕНІЯ.

послѣднихъ силъ втиснувшагося въ плотную толпу, чтобы дать дорогу проѣзжающему верхомъ генералу; и у генерала, твердо распоряжающагося переправой и удерживающаго торопливость солдатъ; и у матроса, попавшагося въ движущійся батальонъ, до лишенія дыханія сдавленнаго колеблющеюся толпой; и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остановленные сперпшимся народомъ, положили на-земь у Николаевской батареи; и у артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи и, по непонятному для него приказанію начальства, сталкивающаго орудіе, съ помощью товарищей, съ крутого берега въ бухту;

и у флотскихъ, только что выбившихъ закладки въ корабляхъ и, бойко гребя на баркасахъ, отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Но за этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее и болѣе глубокое чувство, какъ-будто похожее на раскаяніе, стыдъ и злобу. Почти каждый солдатъ взглянулъ съ сѣверной стороны на оставленный Севастополь съ невыразимой горечью въ сердцѣ, вздыхалъ и грозился врагамъ».

ОБЩІЙ ВИДЪ БРАТСКАГО КЛАДБИЩА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

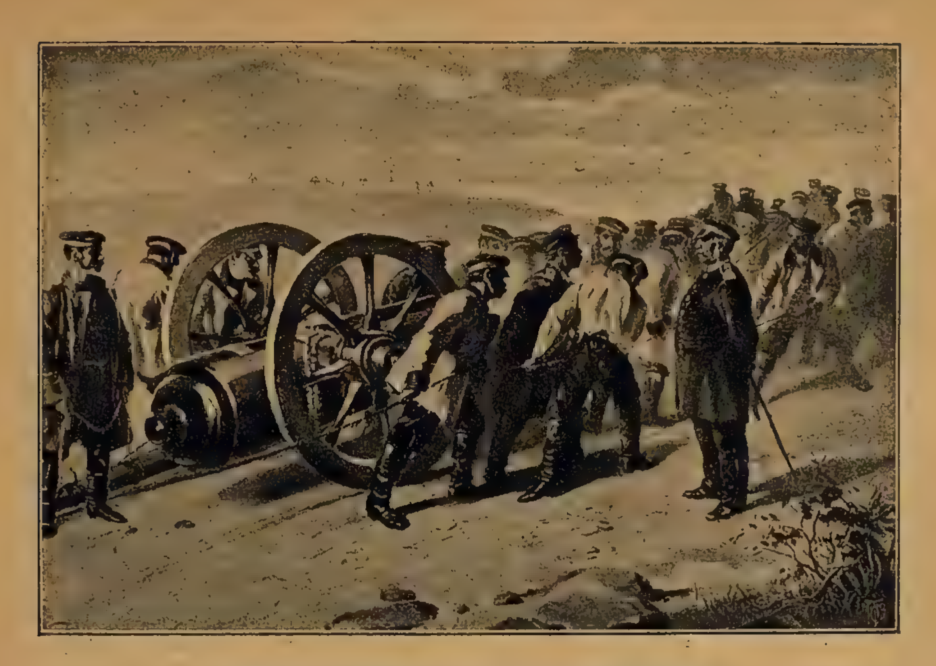
Такъ кончилась поучительная и славная эпопея Севастопольской обороны.

— Есть невозможное и для героевъ!—гласилъ справедливо высочайшій приказъ по арміямъ.

VII.

Миръ и слѣдствіе войны.

Съ паденіемъ Севастополя, французскій императоръ, добившійся побѣды, не прочь былъ заключить миръ. Съ своей стороны Россія была слишкомъ истощена войной и согласилась подписать въ Парижѣ условія мира 18 марта 1856 г. Державы приняли въ свою среду Турцію и обязались охранять ее отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла. Черное море объявили открытымъ для плаванія судовъ всѣхъ націй.

ПОДВОЗКА ОРУДІЯ. — КАРТИНА И. ПРЯНИШНИКОВА.

УБОРКА РАНЕНЫХЪ. — КАРТИНА И. ПРЯНИШНИКОВА.

РАЗРЫВЪ БОМБЫ ВЪ БЛИНДАЖѢ. — КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

ТУШЕНІЕ ПОРОХОВОГО ПОГРЕБА. — КАРТИНА В. МАКОВСКАГО.

МУЗЕЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

ВХОДЪ СО ДВОРА.

Севастополь, доблестно павшій, палъ не безъ пользы для русскаго народа. 19-го марта появился высочайшій манифестъ, въ которомъ государь, благодаря народъ и войска за принесенныя жертвы, обѣщалъ имъ различныя улучшенія въ ихъ положеніи—правый и скорый судъ, покровительство закона, просвѣщеніе; уже начались работы въ пользу освобожденія крестьянъ, два милліона душъ которыхъ принадлежали 100 тысячамъ дворянъ, распоряжавшимся ими по своему усмотрѣнію, часто крайне жестоко. И дѣйствительно 19 февраля 1861 года по волѣ добраго Александра II навсегда пало на Руси такъ-называемое «крѣпостное право». Несчастная война ясно показала, что Россія гибла отъ произвола сильныхъ надъ слабыми, отъ самоуправства, нечестныхъ чиновниковъ, злоупотребленія которыхъ особенно тяжело отразились въ Севастопольскую войну на голодавшихъ и холодавшихъ по ихъ милости солдатахъ.

ВХОДЪ ВЪ ЦЕРКОВЬ НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Такъ 349 дней Севастопольской обороны зажгли надъ нашей славной родиной зарю новой жизни.

VIII.

Памятники героевъ.

Весь Севастополь является въ сущности большимъ грандіознымъ памятникомъ погибшимъ героямъ знаменитой обороны, тѣмъ не менѣе многіе драгоцѣнные въ историческомъ отношеніи предметы и документы, относящіеся къ исторіи многострадальнаго города, собраны въ особомъ музеѣ, носящемъ названіе «Музей Обороны Севастополя».

Музей помѣщается въ красивомъ зданіи, на главномъ фасадѣ котораго красуется Севастопольскій знакъ—крестъ съ числомъ 349, означающимъ количество дней безпрерывнаго огня эпохи Севастопольской обороны. Съ боковъ фасада возвышаются чугунныя носовыя и кормовыя части старыхъ кораблей, три чугунныя пушки на кормѣ и на носу задрапированы бронзовыми знаменами. Весь музей внутри и снаружи убранъ чугунными

бомбами и якорями; тутъ собраны и картины осады, между прочимъ нѣсколько картинъ знаменитаго русскаго художника Айвазовскаго, и портреты масляными красками и гипсовые бюсты дѣятелей обороны, начиная съ самыхъ выдающихся и кончая солдатиками, особенно отличившимися, какъ, напримѣръ, матроса, прозваннаго «Кошкой», и матроса Шевченко, грудью своей заслонившаго отъ бомбы своего лейтенанта и тутъ же убитаго. Кошка удостоился кромѣ того и другого памятника—на знаменитомъ Малаховомъ курганѣ возвышается памятникъ доблестному адмиралу Корнилову: на немъ изображенъ этотъ герой въ ту минуту, какъ онъ, руководительствуя обороной, упалъ сраженный непріятельскимъ ядромъ, воскликнувъ: «отстаивайте Севастополь!» И тутъ же увѣковѣченъ на бронзѣ матросъ Кошка, который, исполняя волю адмирала, подъ градомъ ядеръ молодецки подхватываетъ снарядъ и спѣшитъ послать его въ дуло орудія.

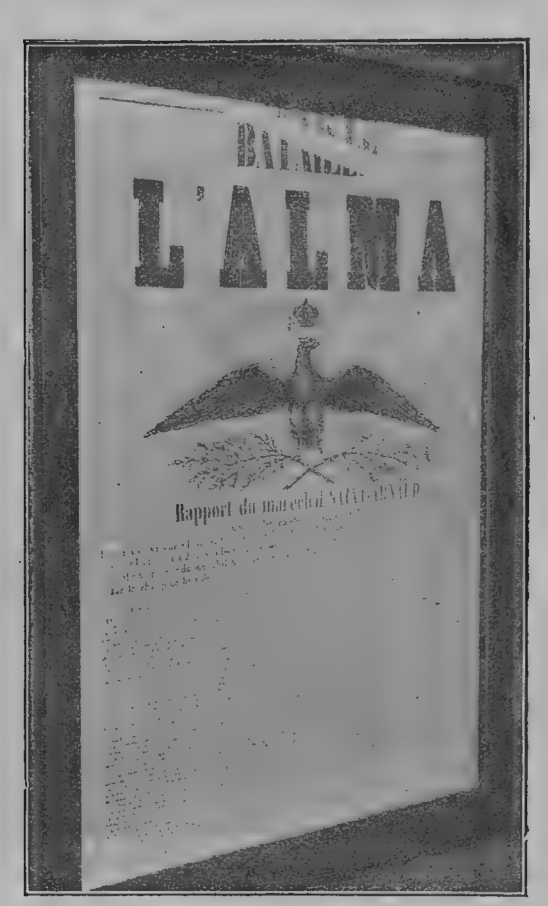

ОДНА ИЗЪ МОГИЛЪ НА БРАТСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

На-ряду съ портретами Нахимова и Корнилова, вы встрѣтите здѣсь портреты ихъ даровитѣйшихъ сподвижниковъ: Тотлебена и Васильчикова (князя), про которыхъ самъ Нахимовъ сказалъ однажды: «Убьютъ меня, убьютъ и васъ. Это ничего-съ! а вотъ какъ израсходуютъ Васильчикова, или Тотлебена — не сдобровать Севастополю»! Эти слова героя—лучшая оцѣнка достоинствъ Севастопольскихъ оборонителей.

Въ Севастопольской бухтѣ воздвигнутъ роскошный памятникъ адмиралу Нахимову, на которомъ онъ изображенъ такимъ, какимъ его привыкли видѣть севастопольцы, въ сюртукѣ съ эполетами и фуражкой, сдвинутой на затылокъ. На адмиралѣ георгіевская звѣзда и сабля Османа-Паши, взятая съ бою подъ Синопомъ. Не остался безъ памятника и Тотлебенъ: на Историческомъ бульварѣ, на полированномъ гранитномъ пьедесталѣ возвышается его мощная мраморная фигура, окруженная внизу на пьедесталѣ фигурами солдатъ всѣхъ родовъ оружія.

Въ музеѣ находятся портреты и бюсты врачей, такъ много поработавшихъ надъ облегченіемъ страданій героевъ Севастопольской обороны, въ томъ числѣ превосходный бюстъ знаменитаго хирурга Пирогова, портреты сестеръ милосердія, среди которыхъ было много дамъ и дѣвицъ самыхъ блестящихъ аристократическихъ фамилій. Тутъ же хранятся модели кораблей, защищавшихъ Севастополь и потопленныхъ въ два ряда для загражденія прохода непріятельскимъ кораблямъ. Свято берегутся здѣсь вещи, принадлежавшія наиболѣе выдающимся героямъ, напримѣръ, фуражка Нахимова, разорванная пулей въ околышкѣ; эта пуля, какъ извѣстно, попала ему въ високъ и покончила его дни; въ одной витринѣ съ фуражкой хранятся также его эполеты, шпага, даже чайная чашка, подаренная ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и многія другія вещи. Въ находящейся неподалеку витринѣ содержатся вещи самого Николая I; большую цѣнность представляютъ рельефныя карты города и его окрестностей съ обозначеніемъ всѣхъ траншей и земляныхъ работъ англійскихъ, французскихъ и другихъ войскъ. Благодаря прекрасно подобранному матеріалу: книгамъ, таблицамъ, планамъ, картинамъ, моделямъ и каталогу, каждый посѣтитель музея можетъ составить себѣ самое живое представленіе обо всемъ ходѣ 11-мѣсячной обороны Севастополя и познакомиться съ безпримѣрными подвигами, стойкостью и преданностью царю и отечеству, выказанными какъ отдѣльными лицами, такъ и всѣми участниками обороны. Въ память погибшихъ героевъ музей кромѣ того призрѣваетъ нѣсколько инвалидовъ и содержитъ школу имени ген. Менькова для 30-ти мальчиковъ-сиротъ.

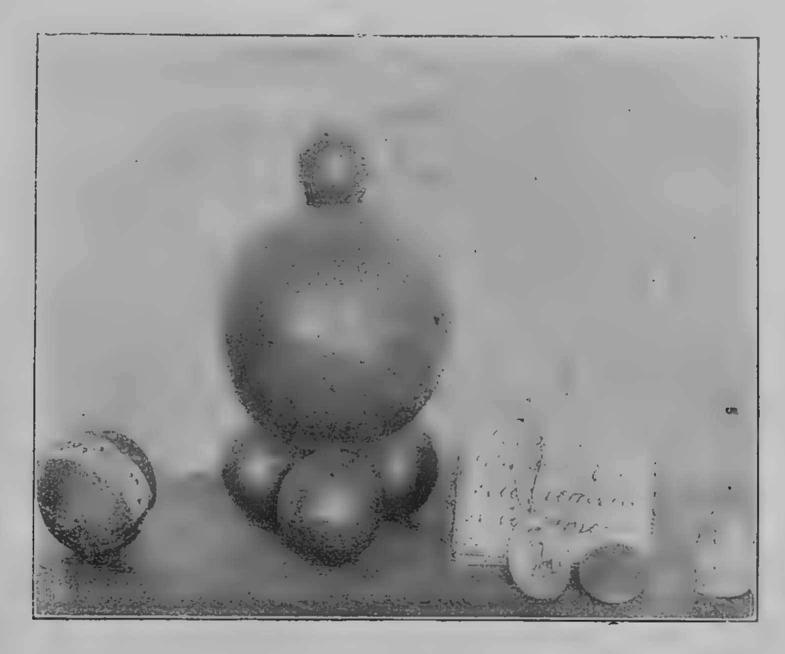

НУМЕРЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЫ СЪ ОТЧЕТОМЪ О СРАЖЕНІИ ПРИ АЛЬМѢ ВЪ МУЗЕѢ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

Особенно много памятниковъ Севастопольскимъ героямъ возвышается

на находящемся въ окрестностяхъ Севастополя «Братскомъ кладбищѣ». Здѣсь успокоились въ мирѣ 127,587 павшихъ героевъ; скромно совершалось ихъ погребенiе: по пятидесяти, по сту человѣкъ сразу опускалось въ могилу подъ тихое пѣнiе поспѣшныхъ панихидъ. Спустя полвѣка, Братское кладбище покрылось прекрасными памятниками, ярко бѣлѣющими въ зелени роскошной южной растительности.

Налѣво у самаго входа покоится прахъ одного изъ знаменитѣйшихъ защитниковъ Севастополя—генерала Хрулева, храбраго воина, начальника, обожаемаго солдатами, называвшими его не иначе, какъ «сердечный»

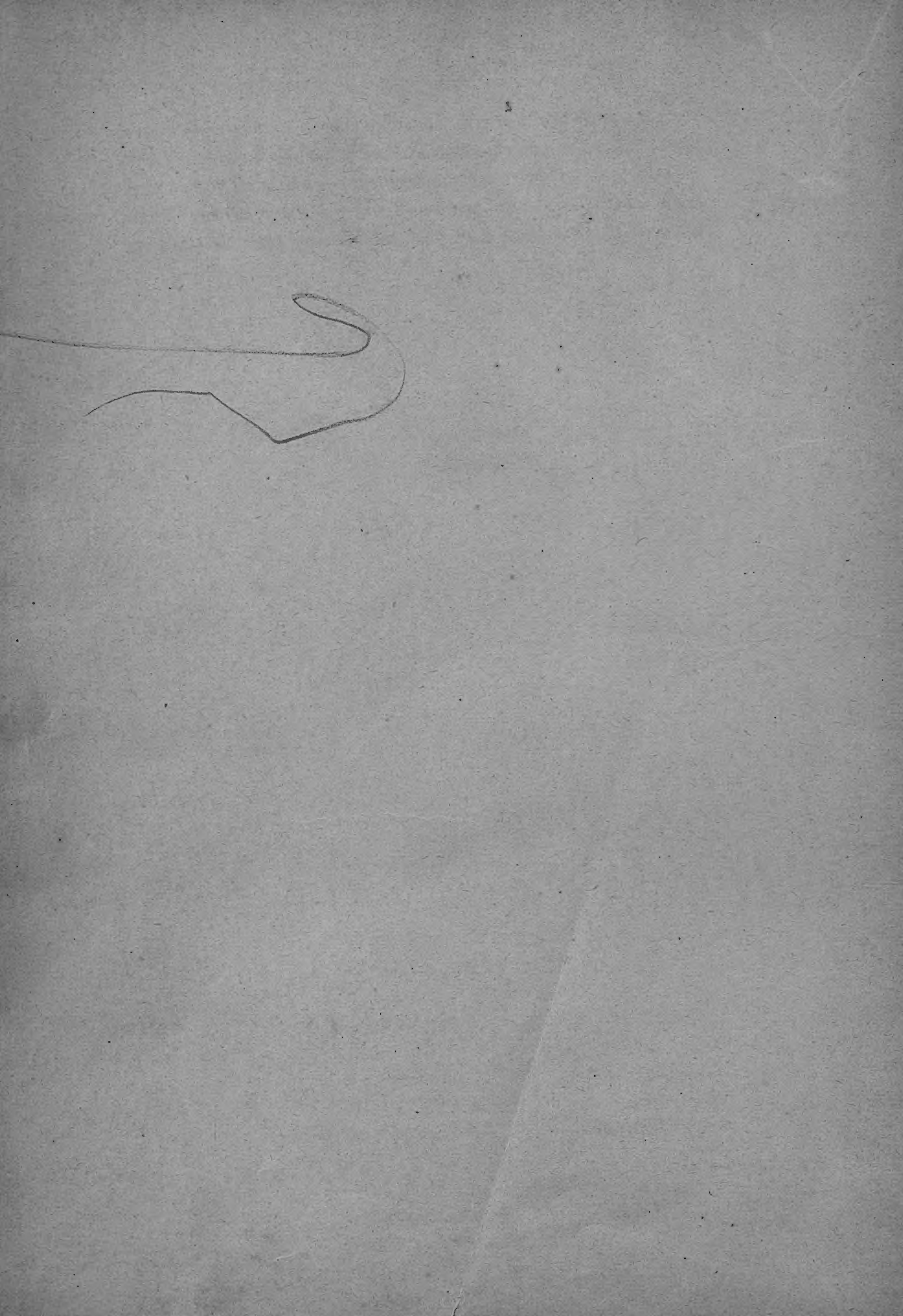

СЕВАСТОПОЛЬСКIЕ СУВЕНИРЫ.

и «старатель». Бюстъ его возвышается на мраморной колоннѣ. Онъ умеръ спустя 11 лѣтъ послѣ обороны и завѣщалъ похоронить себя среди тѣхъ, съ которыми дѣлилъ боевыя невзгоды; на памятникѣ его помѣщено множество надписей, выражающихъ всеобщую любовь и уваженiе къ покойному. Пожелалъ лечь среди защитниковъ Севастополя и адмиралъ Горчаковъ и тутъ-же на поворотѣ аллеи возвышается часовня на его могилѣ. Поблизости покоятся подъ прекрасными памятниками и другiе оборонители Севастополя—Кумани, Спицынъ, князь Максутовъ и другiе. Всѣ они со славой и самоотверженiемъ служили великому дѣлу, всѣ они соединились послѣ смерти подъ нетлѣннымъ знаменемъ славы.

«Какой тутъ дышетъ миръ! Какая славы тризна средь кипарисовъ,

миртъ и каменныхъ гробовъ!—воскликнулъ одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ поэтовъ—Фетъ.—Рукою набожной сложила здѣсь отчизна священный прахъ своихъ сыновъ—изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ, имъ внуковъ поучать на-вѣки суждено. Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ, что имъ завидовать грѣшно!»

А. И. КРАСНИЦКІЙ

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ.

Повѣсть-хроника эпохи „Освободительной войны 1877—78 гг.

Со множествомъ отдѣльныхъ картинъ и иллюстрацій въ текстѣ художника Э. К. Соколовскаго и др.

Въ видѣ интереснаго описанія многочисленныхъ приключеній юнаго вольноопредѣляющагося, авторъ знакомитъ юныхъ читателей съ исторіею этой послѣдней русско-турецкой войны, съ ея выдающимися героями, съ подвигами храбрыхъ воиновъ, сражавшихся «подъ русскимъ знаменемъ». Многочисленныя иллюстраціи воспроизводятъ не только приключенія героя разсказа, но и всѣ крупныя событія русско-турецкой войны, битвы и сраженія, а также портреты главныхъ дѣятелей.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 к.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 16280, 25 мая 1903 г.).

К. М. СТАНЮКОВИЧЪ

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Повѣсть изъ временъ Крымской войны.

Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями художника Э. К. Соколовскаго, со снимками съ современныхъ картинъ и портретами героевъ войны.

Севастопольскій мальчикъ» — это исторія и приключенія одного изъ многочисленныхъ юныхъ героевъ знаменитой обороны Севастополя. Повѣсть написана такъ увлекательно и интересно, что юные читатели не могутъ оторваться отъ чтенія. По своему характеру книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя читаются обыкновенно по нѣсколько разъ и не утрачиваютъ при этомъ своего интереса. Одно, впрочемъ, имя пользующагося популярностью автора служитъ ручательствомъ достоинства книги.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 к.

Уч. К-томъ М. Н. Пр. допущено въ ученич., средн. возр., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. народн. библ. и читальни, а также для выдачи въ награду ученикамъ означеннаго возр. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 15804, 21 мая 1904 г.).

А. И. КРАСНИЦКІЙ

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ

Повѣсть-хроника изъ жизни генерала М. Д. Скобелева.

Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями худ. Э. К. Соколовскаго, съ снимками съ картинъ: В. В. Верещагина, Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, А. Кившенко и др. и портретами героя.

Война ужасное дѣло, но нѣтъ народа, который не гордился-бы героями своихъ войнъ, съ сердечнымъ трепетомъ восторга не вспоминалъ бы ихъ подвиги, не стремился-бы, часто совершенно невольно, подражать имъ. Герои-богатыри выступаютъ и въ сказкахъ, полныхъ тихой прелести, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, полныхъ великой красоты, и на страницахъ справедливой исторіи. Матери разсказываютъ своимъ дѣтямъ про богатырей, прославившихъ свою родину на поляхъ битвъ съ ея врагами, юноши съ увлеченіемъ читаютъ описанія подвиговъ знаменитыхъ полководцевъ, воиновъ и невольно у нихъ зарождается искреннее желаніе подражать этимъ великимъ своимъ соотечественникамъ.

И такое вниманіе, такая завидная участь выпадаетъ почти всегда на долю только героевъ войны. Есть и другіе герои—герои мирнаго труда, науки, но слава ихъ доступна пониманію не каждаго, а только лишь тѣхъ, кто ясно и зрѣло представляетъ себѣ все величіе ихъ подвиговъ, часто даже незамѣтныхъ для обыкновеннаго глаза. Между тѣмъ, военные подвиги поражаютъ, ослѣпляютъ всѣхъ, надолго остаются въ памяти людей,—и прославленный герой Скобелевъ является русскому юношеству и русской молодежи великимъ образцомъ, какъ обладатель высочайшаго душевнаго могущества, какъ строжайшій исполнитель всего принятаго на себя, какъ неутомимый работникъ, для котораго самый тяжелый трудъ являлся наслажденіемъ. Бѣлый генералъ—герой военнаго подвига герой долга предъ родиной,—и нашей скромной задачею было представить его предъ русской молодежью именно въ такомъ изображеніи. Въ настоящей книгѣ разсказаны жизнь и подвиги Бѣлаго генерала въ томъ видѣ, въ какомъ возможно разсказать ихъ теперь, когда прошло еще такъ немного лѣтъ со дня кончины. Все выдающееся, все характерное, но не относящееся къ области анекдота, нашло себѣ отраженіе въ настоящей повѣсти-хроникѣ,—и думается, что эта повѣсть, сопровождаемая многочисленными иллюстраціями, наглядно изображающими не только моменты изъ жизни Бѣлаго генерала, но также и по возможности все, что имѣло отношеніе къ его жизни, заслужитъ вниманіе молодыхъ читателей.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 50 к.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 30 сентября 1905 г. Тип. Т-ва М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л. д. 5—7.